

Ся Цинлу проехал половину пути, плавно затормозил и обернулся, выискивая кого-то в пестрой толпе:

— А где Чу Ваннань?

Е Чангуан резко остановился и снял горнолыжные очки:

— Не знаю. Может, застрял где-то в пробке из людей?

Налетел сильный порыв ветра, подняв снежную пыль; разгоряченный азартом мозг Ся Цинлу мгновенно остыл.

Народу здесь тьма. Неужели Чу Ваннаня опять затормозил какой-нибудь очередной поклонник, чтобы признаться в любви или выпросить контакт в мессенджере?

Ся Цинлу отъехал к краю, освобождая трассу:

— Давай подождем его здесь.

Вскоре в поле зрения появился ярко-оранжевый костюм, и лыжник плавно притормозил рядом с ними.

Ся Цинлу выпрямился; ноги, на которых он сидел на корточках, немного затекли:

— Что ты так долго?

Чу Ваннань снял очки, открыв резкие черты лица. На фоне заснеженных гор его взгляд казался еще более холодным и глубоким.

— Там человек упал, я помог.

Чу Ваннань почувствовал, что сзади кто-то несется на него, и вовремя уклонился. Тот бедолага рухнул прямо перед ним, причем довольно сильно. Уйти просто так было неудобно, поэтому он спросил, не нужна ли помощь.

В ответ парень лишь ошеломленно уставился на него.

Таких взглядов за это лето Чу Ваннань повидал предостаточно. Их стало так много, что у него выработалось подсознательное отторжение, и тон его мгновенно стал сухим.

Парень, видимо, почувствовал этот холод и тут же пришел в себя. Он хотел было поблагодарить за помощь, но тут подоспели его друзья. Раз помощь была уже не нужна, Чу Ваннань просто уехал.

Он не знал, что тот человек вдогонку отчаянно хотел его задержать, но Чу Ваннань исчез так быстро и решительно, что парню оставалось лишь с досадой смотреть ему вслед.

Впрочем, даже если бы Чу Ваннань знал, что произошло после его ухода, он бы не остановился.

Не он сбил человека, друзья подошли — зачем ему там оставаться?

Однако этот полный обожания взгляд всё же оставил неприятный осадок. Когда он догнал друзей, выражение его лица было не самым приветливым, скорее — скрыто-подавленным.

— Что-то случилось? — Ся Цинлу чутко уловил перемену в его настроении.

Чу Ваннань коротко бросил:

— Угу.

Ся Цинлу — «хлоп!» — зажал его лицо ладонями и по-злодейски сдвинул щеки к центру, прерывая его мрачные думы. Поймав изумленный взгляд друга, он широко осклабился:

— Не бери в голову. Давай лучше наперегонки!

Он не стал расспрашивать о подробностях.

Всё равно дело прошлое, толку спрашивать? Лишний раз заставляя Чу Ваннаня вспоминать и заново переживать неприятные эмоции?

Ся Цинлу не дурак.

Чу Ваннань чуть повернул голову, и лицо друга оказалось прямо перед ним.

В отличие от того парня, в глазах Ся Цинлу не было отталкивающего фанатизма — только чистая, лучезарная радость. Он был как теплое солнце: грел, дарил уют и заставлял мгновенно вспомнить о начале лета, зеленой листве, шипучей газировке и прочих приятных вещах.

Тяжесть на душе у Чу Ваннаня внезапно испарилась.

Ся Цинлу разжал руки и обхватил друга за шею, с азартом воскликнув:

— Только что я выиграл у Е Чангуана! Смотри не проиграй мне, а то будет совсем неинтересно.

Е Чангуан возмутился:

— Это потому что передо мной кто-то внезапно выскочил и напугал! Иначе я бы тебя давно обогнал!

— Да-да, кто не умеет — тот тренируется.

Е Чангуан в шутку бросился на него с кулаками.

Ся Цинлу тут же спрятался за Чу Ваннаня. Эти двое использовали друга как столб: один пытался поймать, другой уворачивался. Ся Цинлу то и дело противно подначивал:

— Эй, эй! Не поймаешь, не поймаешь!

— А ну не прячься за братом Чу!

— И не подумаю, — Ся Цинлу вцепился руками в талию Чу Ваннаня, удерживая равновесие, и высунул голову из-за его спины. Его улыбка была вызывающе яркой. — Друг детства для того и нужен, чтобы использовать его в такие моменты!

И то верно. Друг детства именно для этого и нужен.

Неподвижно стоявший Чу Ваннань вдруг вскинул руку, зажал голову друга локтем, сорвал с него шлем и принялся большой ладонью яростно взъерошивать его волосы.

— Эй, эй! Чу Ваннань, это нечестно! — Ся Цинлу кипятился, его лицо покраснело от натуги, но он так и не смог вырваться из стального захвата. Пришлось с отсутствующим видом ждать, пока друг ответит душу.

Чу Ваннань выглядел посвежевшим, а вот волосы Ся Цинлу превратились в воронье гнездо. Ся Цинлу стиснул зубы и, как только захват ослаб, пулей выскочил в сторону. Поправляя прическу, он гневно сверкнул глазами на друга:

— Е Чангуан, пошли отсюда! Не будем с ним играть!

Ся Цинлу метал маленькие молнии.

Но Е Чангуан и не думал его слушать. Сколько Чу Ваннань мучил друга, столько Е Чангуан стоял рядом и хохотал.

— Только брат Чу может тебя приструнить. Я буду держаться поближе к нему.

— Бесхарактерный, — фыркнул Ся Цинлу и замолчал. Проверив снаряжение, он самолично унесся вниз по склону.

Е Чангуан в панике бросился вдогонку:

— Опять фальстарт?!

Хорошо хоть, он не последний.

Только он успел порадоваться, как мимо него пронеслась фигура Чу Ваннаня.

— Да вы издеваетесь?! Оба стговорились?! — Е Чангуан в изумлении выжал из себя все силы, чтобы нагнать их.

Ся Цинлу летел впереди всех. Холодный ветер со свистом проносился мимо ушей. В воздухе стоял чистый, ледяной запах снега. Это бодрило, создавая ощущение, будто ты находишься в бескрайней, безлюдной снежной пустыне — просторной и тихой.

Все тревоги и мысли выдуло ветром и очистило белым снегом.

Ся Цинлу радостно закричал. Его глаза под маской сияли, тело казалось невесомым, будто сам ветер подхватил его и нес вперед, не встречая сопротивления.

Никогда еще он так остро не осознавал, что он свободен и ничем не связан.

Ся Цинлу наслаждался этой свободой.

Они провели на склоне уйму времени и спустились только на последнем фуникулере. На следующий день встали пораньше и на автобусе отправились к озеру Фугуан, окутанному утренним туманом.

Е Чангуан побоялся садиться в лодку, помахал им рукой и радостно убежал в сторону — делать панорамные снимки.

Так что Ся Цинлу и Чу Ваннань надели спасательные жилеты, взяли по веслу и, плавно рассекая воду, поплыли вслед за основной группой.

— Красота-то какая, — в какой-то уже раз выдохнул Ся Цинлу.

Утренний туман причудливо колыхался между небом и землей, темно-синяя озерная гладь расходилась медленной рябью, а золотые лучи солнца пробивались сквозь мглу, щедро заливая всё вокруг.

Тишина и простор.

Несколько крупных белых птиц грациозно сложили крылья и опустились на воду рядом с их лодкой, словно маленькие эльфы-сопровождающие.

Ся Цинлу перестал грести и задумчиво уставился на птиц.

В тумане его профиль казался мягким, окутанным нежным светом, а на длинных ресницах плясали золотые искорки. Внезапно он поднял глаза на друга и спросил:

— Чу Ваннань, а как думаешь, эти птицы съедобные?

Прекрасная картина мгновенно пропахла шашлыком. Чу Ваннань почувствовал себя дураком из-за того, что секунду назад засмотрелся.

Столько лет вместе, он что, не знает, что Ся Цинлу за человек?

И чего это он вдруг отвлекся?

Наверное, лицо Ся Цинлу слишком обманчиво. Глядя на него, никогда не подумаешь, что сейчас он обсуждает, нельзя ли поймать птицу и съесть.

— Такая жирная птица... В соевом соусе или на гриле была бы в самый раз.

Будто почувствовав вкус, Ся Цинлу невольно сглотнул слюну. Эх, как же хочется есть!

Чу Ваннань холодно заметил:

— А ты угадай, почему она такая жирная?

Ся Цинлу с сожалением оставил эту мысль. Спустя полчаса гребли на пустой желудок они наконец повернули к берегу.

Е Чангуан с камерой в руках стоял на пристани. Увидев их, он замахал руками и закричал:

— Эй! Смотрите в камеру!

Его голос летел над широкой гладью озера, и до Ся Цинлу доносились лишь неясные обрывки звуков.

Ся Цинлу обернулся:

— Что он сказал?

Чу Ваннань проследил за жестами друга:

— Наверное, просит посмотреть в объектив.

А-а, в объектив. Фотографирует.

Точно, они уже столько времени в поездке, а нормальных снимков на память почти нет. Надо сделать пару крутых кадров и отправить родителям и тете Лю.

Подумав об этом, Ся Цинлу начал усиленно махать Е Чангуану:

— Сними меня покрасивее!

— Что ты там кричишь? — Е Чангуан прищурился. Он не слышал слов, видел только, как Ся Цинлу отчаянно размахивает руками, и рефлекторно нажал на спуск.

«Щелк».

На экране запечатлелся смеющийся Ся Цинлу, машущий рукой. Чу Ваннань тянулся к нему — видимо, хотел придержать, чтобы тот не раскачивал лодку и они не перевернулись, — но на его лице тоже играла легкая улыбка.

Небо, туман и озеро создавали сказочный фон, придавая этому живому снимку великолепную атмосферу.

Е Чангуан почесал подбородок, искренне восхищаясь собой:

— Офигеть, я просто гений фотографии!

Ся Цинлу, увидев фото, тоже не остался в долгу:

— Да я просто красавец.

Они переглянулись, оба крайне довольные мастерством одного и внешностью другого.

Чу Ваннань не мог на это смотреть: эти двое так расхваливали друг друга, будто у обоих впереди было великое и светлое будущее. Он взял камеру, пролистал снимки и всё же выбрал тот самый, где Ся Цинлу смеялся и махал рукой. Экспортировал его и отправил себе.

Вечером за ужином Чу Ваннаню пришло сообщение. Экран телефона, лежащего на столе, загорелся. Ся Цинлу мельком глянул туда и увидел фотографию на заставке. Он чуть не подавился едой.

— Кха-кха!

Он покраснел, принялся колотить себя в грудь и залпом выпил стакан воды:

— Кха! Фух... чуть не задохнулся, — Ся Цинлу выдохнул и откинулся на спинку стула.

— Слушай, — он посмотрел на друга с недоверием. — С чего это ты поставил наше совместное фото на заставку?!

Чу Ваннань взял телефон, чтобы посмотреть. Е Чангуан, с лапшой во рту, тоже придвинулся. Затем они оба посмотрели на Ся Цинлу с одинаковым недоумением.

— А что не так?

Е Чангуан с хлюпаньем втянул лапшу, прожевал и добавил:

— Он что, не всегда держал ваше фото на заставке?

Только познакомившись с ними поближе, Е Чангуан осознал, насколько «липкими» могут быть отношения друзей детства.

Заставка на телефоне — совместное фото;

Брезгливость — отсутствует только в отношении друга;

Ночевки — постоянно друг у друга, причем спят на одной кровати;

Любые вкусности или развлечения — делятся в первую очередь друг с другом;

Признания в любви — либо высмеиваются, либо холодно отвергаются, после чего человек как ни в чем не бывало снова липнет к своему другу...

Наблюдая за всеми этими деталями, Е Чангуан прошел путь от сомнений до полного спокойствия. Теперь, видя, как после уроков Ся Цинлу во время возни плюхается задом прямо на колени Чу Ваннаню, он мог лишь невозмутимо потребовать:

— А ну вставай, я тоже хочу посидеть!

Конечно, ответом Ся Цинлу всегда был дерзкий хохот:

— Ха-ха-ха! Попроси меня хорошенько, и я разрешу тебе посидеть на папочкиных коленях!

Затем они наваливались друг на друга кучей, отчего лицо оказавшегося в самом низу Чу Ваннаня искажалось, и он мрачно посылал их обоих куда подальше.

Ся Цинлу обо всём этом сейчас не помнил. Он просто указывал пальцем на заставку, и в его голосе слышались нотки отчаяния:

— Кто вообще ставит фото с другом на заставку?!

— Я, — ответил Чу Ваннань.

— Он, — подтвердил Е Чангуан, указывая на Чу Ваннаня.

Ся Цинлу: ...

Неужели никто не находит это странным? Или это я всё себе напридумывал?

<http://bllate.org/book/17132/1605050>